

К 1420608

Лета Югай

Между
водой
и льдом

Лета Югай

Между водой и льдом

Москва

«Воймега»

2010

УДК 821.161.1-1 Югай
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ю15

Л. Югай

Ю15 Между водой и льдом. – М.: Воймега, 2010. – 56 с.

ISBN 5-7640-0102-1

© Л. Югай, текст, иллюстрация на обложке, 2010

© С. Труханов, оформление, 2010

© «Воймега», 2010

Внутренние поля

* * *

Вот оно плывёт-проплывает,
время летнее на дворе.
Стрелка толстая, часовая
еле движется по жару.

Вот оно плывёт, за домами
жёлтым рыбьим глазом блестит –
счастье летнее между нами,
золотой улов, рыба-кит.

* * *

Кораблик с железными парусами плывёт по глади травы.
Кораблик с пластмассовыми парусами плывёт по глади ковра.
А я стою с голубыми глазами, совсем не умею врать.
А я смотрю из окошка в небо: тучки сегодня львы.
У них барашковые причёски, диванный изгиб спины.
Но, если желаете, в них заряд, убивший шесть человек,
если желаете вы, а им не открыть заснеженных век.
Львы всё добрее, львы всё тише. Кому такие нужны?
И я добрею в потоке речи, смотрю из окна на двор.
И каждое слово вбивает глубже якорь молчанья в паркет.
А что за своих не вступаюсь – просто не слышу ваш разговор,
ведь очень громко над головою хлопают паруса.

* * *

А ещё я помню сныть на уровне глаз
и сквозь сныть деревянную крышу, тёмную, как крыло.
Возвращались с Реки. Река в тот день удалась:
в кулачке аммониты и кварц – богатый улов.
У дороги голая печь преграждала путь
(пробежать горелые брёвна – убьёт, только задень).
И внезапно – как славка в траве – предстал летний день,
дался каждым пёрышком. Мы боялись его спугнуть.
А потом обвалилась печь, иван-чай врос в кирпичи.
Улетела и тёмная птица – соседский дом.
Только дикий хлеб, приготовленный в той печи,
до сих пор ароматен каждым погожим днём.

* * *

Старый камень¹ стоит среди поля – невыбелен, невысок.
Старый камень вокруг себя всё обратил в песок:

это здание в стиле модерн, поток машин за спиной –
они выросли из песка и спадут, как ослабнет зной.

В этом камне, как в сердце, готовят великий день,
и засвечены лампочки в память тех, кто уже нигде.

Намывает солнце к празднику витражи.
Хорошо ли тебе в моём сердце, хочешь ли ты здесь жить?

Растекаются улицы – руки, ноги и хвост.
Всё равно он у первой школы, он в Вологде, Карлов мост.

Он сегодня расцвёл фигурами в рост, дамами и святыми,
оттого что туманы особенно едки, мы дышим ими.

В голове всегда Кафка-замок, стараюсь реже будить.
Но впервые Гора пригорюнилась на груди.

Я прошу тебя: будь настоящим, волосы теребя,
покажи мне на свете то, чего не было до тебя.

¹ *Старый камень* – Староновая синагога в Праге.

* * *

Вот скажет что-нибудь – и носишь, как будто фенечку,
всегда с собой и всегда на левой руке.

Я в детстве читала сказку про бывшую феечку,
оставившую шёлк одежд на песке.

И думала: когда-то так же чужими руками
мир и меня примет в смертные, на свой страх.

Мне снилось: я – книга, тяжёлая, словно камень,
нагретый полуденным маревом, в чьих-то руках.

А ещё мне снились спелые гроздья комнат:
мы бежали по ним, мы бубенцом звенели...

Но эти вымыслы можно теперь не помнить,
если знаю, как всё бывает на самом деле.

И одежды шёлк – это только начало,
и совсем они не чужие – мужские руки.

Но вот чего я вовсе не ожидала –
что будет так страшно за жизнь, когда мы в разлуке.

* * *

Я успею ещё выспаться перед тем,
как мы встретимся снова, чтобы поговорить.
Это всё с недосыпу. Мир недвижим и нем.
В голове звенит струной атласная нить,
названивает: «мой», «дорогой», «о нас».
Виски тормозить. Упереться в живот плечом.
Увидеть, целуясь, сдвоенный серый глаз.
Сейчас
 не спрашивай меня ни о чём.

* * *

Быть с тобой. Ночь, как мировое древо,
поднимается с центра ладони – диаметром что Земля.
От меня города лежат – вправо и влево.
за спиною крапива. У ног моих тополя.

Быть с тобой вдвоём. Углубленья в коре есть ниши,
где привольно укрыться мошкам, если кругом вода.
Я пишу на руке, чего в письме не напишешь.
Поезда червоточат ствол: везут не туда.

* * *

Золотые шары наклоняются до земли, а иные – в пояс,
как сёстры кланяются братьям своим ветрам.
Ты не поймёшь, о чём я беспокоюсь,
но будешь знать, что думаю по утрам-вечерам

о тебе, – по рекам, пашням, горам горбатым.
И дело не в серых глазах твоих, белой коже.
Я потому тебя называю братом,
что ты во всём говоришь противоположное.

Как будто мир поделен между нас двоих
и мы должны его склеить, свести ладони.
«Так это не брат называется, а жених».
Ну вот, и я о том же. Понял ли, понял?

* * *

У короля было четыре сына: Юг, Запад, Восток и Север.
И двенадцать дочек, по три на каждого сына.
А на перекатах – набросанный в речку клевер.
Дети любят, чтобы бессмысленно и красиво.

Взрослые любят, чтобы по-новому и богато.
Кто у вас прописан в этих широтах?
У каждого сына – по камню на перекатах,
у каждой дочки – в реке по водовороту.

И ещё у каждого по замку на дедушкином ковре:
у сыновей – это те четыре ромба, что по углам.
Помни, то, что хочешь забыть побыстрей,
можно и потерять, да так, что не сыщешь сам!

Бывает и насовсем. Запад-Запад, поспрашивай между своими.
Восток уже шарит в траве, найдёт – не отпустит.
Север из них самый гордый, недаром римское имя.
А Юг назван в честь реки, идущей в Великий Устюг.

И когда они вместе все – утром, вечером, в полдень,
а Юг, тот совсем уже в полночь, – выйдут на поиски сути,
все двенадцать сестёр заиграют на флейтах из сныти.
Но как ты услышишь их в городе, в институте?

* * *

Чёрная курочка-тетёрка бежит по траве
между веток поваленных, стеблей скрещенных, бугров, кочек.
Бусина-глаз на маленькой голове.
Бежит, хлопочет. Взлетать не хочет.
«И куда тебе нужно, чтобы я взлетела? В такую осень
трава вся ушла в семена, ни силинки лишней,
тяжелеют тучи, заползают меж рам осы,
а ты – ну что ты пугаешь? Какой ты хищник».

* * *

Через неделю закончится лето. За ним
Будет другое лето. Потом осень.
Вот и рудбекии подождены и дым
заволок всё небо серым в редкую просинь.

Скоро и зелень уйдёт в землю. Костяк
будет стоять всю зиму, в снегу коченя.
Что-то надумала я не то и не так.
Что-то напутала с тем, что всего важнее.

Когда у мелиссы морщинки в жёлтом листе,
когда бодяк поседел и не пахнет мёдом,
я начинаю верить своей красоте,
своей июньской жажде полной свободы.

Колыбельная для Саши

*И лишь того не избежать мне:
Всю жизнь крапивные объятъя
Плету, плету, не отрываясь,
Но доплести не успеваю...*

Александра Мочалова

Молчи до окончания работы,
строчи вязанье, ну что ты, что ты,
в печи выгорают замки и гроты,
к любым воротам ключи.
Твой сон всей жизнью взят за основу,
но всё растреплет грубое слово,
одна ты знаешь, какой обновой
твой лебедь будет спасён.
А нить бежит, бежит непрерывно,
бранить все будут за дом крапивный,
за сныть, за вереск: себя, мол, дивной
дивой негоже мнить.
И всё ж не отступай от работы,
не ложь молчанье, ну что ты, что ты,
но кто тебя окружит заботой,
когда ты всех нас спасёшь?

Колыбельная для Ани

Не болей ты, не болей, не болей,
продержись огонь и стужу и град.
Бела мельница стоит средь полей,
а на лопастях густой виноград.
Сзади – горы, а ручей – впереди,
сверху – тучи, под ногами – земля.
Победи их, этих всех, победи.
Расходитесь, все ручьи, все поля,
расколился, ледяная гора,
поглоти всю пададь, хворь, лебеду,
чтобы стала молоденька с утра,
чтобы не было обид на роду.
Будет море – отзовёт виноград,
а ручей взрастит тугое зерно.
Здравствуй, здравствуй сотни солнце подряд,
самых тёплых, словно хлеб и вино.

Август

1.

Осы прилетели испить чаю,
пчёлы торопятся проводить лодку.
Воску будет много, пыльцы много,
а мёд отдадим тому, кто отчалил.

Воздух густеет, устают ноги,
соберём с веток терпкие яблоки,
вишню, вишню мелкую с большой косточкой.
А мякоть нужна тем, кто в пути-дороге.

А мы опять за книги. Но по туману
перед тем пройдемся до нашей речки.
Очень много ситок на нашей речке.
А глубина вся отдана океану.

2.

Мы вырастим из косточки дерево.
Выкормим пыльцой новых пчёл.
Свяжем из ситок плот
и переплывём океан.
Мы выпрямимся, что есть сил
крикнем: «Догнали, вот,
Август, ведь ты соскучился?
Зачем же ты уходил?»

* * *

Между трёх вокзалов, начал, спицей, часов, вершин,
между трёх дворцов цветут тюльпаны – от белых до золотых.
Между трёх – за вычетом луж, бомжей, голубей, машин,
остаётся крошечный пяточок.
Остаётся двадцать минут на двоих.
Этот свет слишком ярко. Зрачок
сужается: уже пятнадцать, пять, уже низко..
Мы стоим в центре площади, ослеплённые падающей звездой.
А после – будет достаточно света
в щели между дверью и косяком,
достаточно тонкой полоски воздуха
между льдом и водой,
чтобы не задохнуться в сети дорог перепутанных.
Сначала мы помним, куда и зачем идём,
а потом сбиваемся, бежим, ловим попутную,
возвращаемся в норы между моросью и дождём.
От Ярославского поезд отходит к моей стороне.

...Мы стоим в центре мира – изумляемся тишине.

* * *

Не довести до конца ни единого дела.
Неводом луны ловить в нашей речке нерыбной.
Утром сюда приходили жирафы – опять проглядела.

Длинные и мокроротые странные звери.
Каждое утро до солнца приходят они по осоке
северной нашей водицы испить и течение проверить.

Как те жирафы в траву с наступленьем дневного,
как паучок – от меня – в складки моей же одежды,
прячусь от жизни в травное лето и в слово.

* * *

За что он тебя целовал, сестра земля,
в терракотовые плечи, базальтовые колени?
Мне не постигнуть всё, что ниже нуля
по уровню моря: воспоминанья, тени.

Но глаз отвести не могу от гладкой руки,
изгиба локтя и спрятанных территорий.
Как будто небо смотрится в солончаки,
с которых ушло море. Вдали от моря.

* * *

Среди всех рыб, окуней и шук, – Рыба-Кит.
Среди всех дней в году – Новый год.
Среди всех земель – та, над которой ангел парит,
зависает в воздухе и не хочет лететь вперёд.

Он же знает, вперёд – это назад от центра земли.
Деревянная луковка прячется в облаках,
а вокруг на тысячу вёрст снега намели,
а в окошке греется свечка в родных руках.

Ей дано растопить и печаль, и снега, и тьму.
Лошадь сено жуёт, окно горит до утра.
Все дороги идут от дома. Все приводят к нему.
И трепещет ангел над крышей, не летит со двора.

* * *

Мы греем одежду, которая ближе к телу,
дышим в перчатки, быстро идём вперёд,
а манекены витрин стоят неумело
в шубах и свитерах, холодных, как лёд.

Воздух колюч, он проникает всюду,
печка тела камерна и хрупка.
У тебя под шарфом подступает к горлу простуда,
у меня под мостом замёрзла Москва-река.

* * *

Осторожно, дверь открывается, а за ней
поле цветов, там – тропа из камней.
Синегато-сиреневатый дрожит левкой,
он станет мальчиком, если тронешь его рукой,
шёлковым от макушки и до стопы.
Но это ли нужно тебе, чтобы дойти до конца тропы?

Тропа приводит к горе, гора ведёт в облака.
Камни знают место, счёт идёт на века.
Но если обнимешь один, отдашь ему часть тепла,
он станет собакой, последует за тобой, куда бы ты ни пошла.
Проведёшь ладонью по бархатному хребту.
Но это ли нужно тебе, чтобы подняться на высоту?

И ты выйдешь к вершине, облака с тобой наравне,
семицветным цветком отражается солнце в их снеговом руне.
Они станут слушать тебя, и ветер уже притих,
если вспомнишь по имени хотя бы одно из них.
Но кто ходит без спутников, забывает все имена.
Это новая дверь, в неё ты войдёшь одна.

* * *

Я тебя отпускаю – рыскай в своих лесах,
гуляй на своих лугах, спи своим сном.
А потом заходи показать свои чудеса.
Заходить значит жить снаружи, у каждого свой дом.
Я тебе принесу зелёных цветов из самой своей глуши.
Я ращу их лишь для тебя, поливаю дождём в сушь.
Мы живём, взявшись за руки, на границе твоей и моей души.
И ничто уже не разведёт наших душ.

Внутренние поля

Когда время падает до нуля,
мы уходим во внутренние поля,
разбредаемся по долам.
В это время комната как Земля.
Мир её четырём углам.

* * *

маме

Между нами песок молчанья,
земля междуречья,
заливные луга междуречья,
нейтральная бирюза.
Я временно исключаю
слова – щепки, колючки.
Ты понимаешь раньше,
что я хочу сказать.

Выброшены на пойму
коряги и перья совьи,
посылки прошлого лета
почтой водною скоростной.
И я говорю – вспомни,
вспомни своё верховье,
когда ты ещё не впала
в меня и не стала мной.

Мы ходим единым руслом
с тоскою о Чёрном море.
Не думай об этом соре,
что я несу по весне.
Свет воды твоей русой,
дна твоего история,
рыб моих траектория –
всё и тебе, и мне.

Насон-город

* * *

...и неба батик голубой
с одной звездой. И не звездой –
планетой, дальней и знакомой;
она указывала путь
весеннее от школы к дому,
не обойти, не обогнуть.
Всё вечереет: люди, взоры.
Сидит большой Вечерний Кот.
Листвы салатовой узоры
на синем небе, горстка нот –
собачий отдаленный лай.

Мой месяц май.

* * *

В ритме крови – это важно уметь,
ведь движение отрицает смерть.

Темнота, тепло и ладоней всплеск,
электрических рожек червонный блеск.

Чёрных церквей луковки не спасут,
и нашли пугать-то чем – Страшный суд!

Молодое тело движется и в огне.
Fire-show при полной жёлтой луне –

оггибает пламени языки
молодое тело у старой ночной реки.

Будут взрывы над головой греметь!..
И совсем не боязно умереть,

оставляя в небе искры и дым,
если кто-то был жив, а кто-то любим.

Великий Устюг. День города

Натюрморты с лимоном

1. Голландский

В тёмной, барочно избыточной ночи
Светом пронизаны грани предметов,
Собраны вместе, бок о бок бессрочно
Все в ожидании знака, приметы.

Не договаривайте вопроса,
Если боитесь ответа.

В сладостной зрелости, в хмеле распада
Персики нежат усталое тело,
Но не взрастить этой косточке сада,
Не прорасти этой скатерти белой.

Если художник решает: «Так надо» –
Что же поделать!

Долгими днями работы подсушен,
Хрусткий пирог рассыпается крошкой.
Горечь лимона хранит безупречность
Формы и служит залогом грядущего.
В низком бокале с узорчатой ножкой
Умерших ягод бессмертные души,
Умерших ягод бессмертная сущность.

Там, где в июне шиповник распушен,
Там, где спускается к морю дорожка,
Косточки крепки, и плоти растущей
Было даровано лучшее в дне
Не для того, чтобы вырасти в кущи,
А чтоб воскреснуть в вине.

Но и воскреснув, не зная никакого
«Слава вам!», «Счастья!», «До дна!»,
Будто мечта, что не ведаёт слова,
Девушка, что одна.
После того как картина готова,
Выпил художник вина?
Сильные руки, холщовая блуза,
Точный придирчивый глаз...

Что остаётся? Кости без груза
Жизни не вырастут, раз
Не повторяется в том же обличье
Даже цветок на земле,
Только вино натюрмортов в привычном
Тёмном тяжёлом стекле.

2. Восточный

В наших венах вместо вина – чай (не печалься, не бойся)
из ресниц запретного сна. Знай, просыпайся, смейся.
Вазочка лимона полна (в круг замыкайся и пойся).
Вечность нам на блюде дана. Друг, созерцай и грейся.

3. Тотемский

В мире неуютно как-то,
но легко уйти домой.
Человек похож на кактус:
неклюжий, но живой.

Вот те банка, вот те вилка
как хрусталь и серебро.
Жёлт лимон, полна бутылка –
ну и ладно, и добро!

* * *

Битое стекло на берегах,
чёрный талый снег, вороний грай.
Я с утра глотаю этот край,
я свой сон встречаю на ногах.

Мой будильник нестерпимо зол,
а весна спросонья – не весна.
Мне бы мимо булочных и школ
улететь в бродячий табор сна.

* * *

Я просыпалась и молчала
и жгла свечу до близкой тьмы.
День быстро прогорал с началом
астрономической зимы.
А после – просыпалась ночью
и слышала сквозь потолок,
как воют волчьи стаи. Впрочем,
волк в стае тоже одинок.

* * *

Моя привычка думать о тебе
становится похожей на упрямство.
В морозной ежеутренней ходьбе
и в сонных классах пленного пространства
я думаю о жизни той, чужой,
в дыму машин, в домашнем беспорядке,
как о другом зверьке, увы, со мной
несхожем внешним видом и повадкой.

* * *

Ты сказала: «Нет тоски! Есть жёлтенькие дискетки», –
и показала руками, как распустился цветок.

Но бутон моей души по-прежнему крепко сжат,
и губы не повторяют шуток за сердцем.

Сколько мне нужно выкурить сандаловых палочек?

Сколько мне нужно выкрутить нефритовых шариков?

Чтобы понять наконец, что нет тоски.

Чтобы начать говорить с людьми по-людски.

Каникулы

Сон мой праздничен до аглицкого чая,
а слонов считаю до восхода.
Если на звонки не отвечаю,
значит, уж такое время года:
время раннее, не тает, не струится,
не пустить в него корабль с ладошек.
Под окном неспешно ходят птицы,
мелко обворовывая кошек.
Семь вальяжных, важных, чернокрылых.
Семь. Мне нужно больше! Дней пятнадцать.
Чтоб на целый год набраться силы,
праздной животины насчитаться.

* * *

Мы сидели под ёлкой. Да, мы были в игре.
Выбирай – свечи, гадания, хоровод.
А она умирала за нас, вся в мишуре,
чтобы снова сложился, снова склеился год.
Мы вдыхали запах крови её лесной,
разгрызали хвоинки, держали в руках стекло.
Переход времён, а у нас на всё проездной.
Замерзает мир, мы храним для него тепло.
А теперь мы не маленькие уже – Новый год,
ну и что? Мне работу сдавать седьмого числа!
Времена не бумага, чтоб рваться! Но всё вразброд,
я тетрадной страничкой режусь, и кровь была.
Так влетает в форточку чёртовый взрослый мир,
что, взрываясь, хлопает штора и рвётся ткань.
Значит, нужно затеплить свечку. Из всех квартир
навыбрасывали ёлок. А в мире – такая рань.

Март

Зима здесь долгая – это замечаешь даже не в феврале, а где-нибудь ближе к апрелю. Все божества на лыжах. Идёшь и думаешь, странно сказать «по земле», ведь земля, она где-то под снегом, ниже, гораздо ниже.

А мы тут себе – снегожители – понимаем весь мир бело: никаких скидок на чепуху цветов, сносок, ссылок, проталин. Главное – двигаться по лыжне дальше, куда бы ни завело. Как бы мы ни устали, как бы мы ни устали.

* * *

А о нас говорили, что мы вконец оборзели!
Но в «последний звонок» пришли как можно скромней.
Эти белые фартучки, пахнувшие музеем, –
замечательное ретро для смутных дней.

А из тех, кто младше, один сказал: «Да, отлично
всё проветрили так, что теперь в сквозняке живут».

Аккуратный мой, умница, ироничный,
но до нас был хлев! и воняло в нём, как в хлеву,
пока окна не распахнуло порывом ветра,
первым взмахом ветра...

И вдруг я поняла:
наши смутные дни уже обратились в ретро
и овечья шкура намертво приросла.

Филологический факультет

1. Античная литература

Я знаю способ: воздух сжечь на свечке
и отравить ванилью чёрный кофе.
(Семь лет жила Калипсо с Одиссеем.
Семь тысяч лет одна торчала в гроте.)
И снова ночь в компании ванили,
и жизнь в компании большой собаки...
– Ты кто такой? Катись в свои Итаки!
Мне и семи минут тебя не нужно.

2. Фольклор

У коты у воркуты
колыбелька не пуста.
Спи, горюша, спи, смиришь,
в жизнь чужую не стремишь.
У коты у воркуты
жизнь на свете непроста.
Спи во мне, весь белый свет,
не родившийся на свет.
Кот-воркут в дому сидит,
меня видеть не хотит.
Нега, в сердце усыпай,
поскорее умирай.

3. Мифология

Когда волк со дна
весь уйдёт в прыжок,
всё порушится.
Что с тобой, дружок,
что, дружок, одна
в море сушица.

На своей косе –
и запомнят все,
те, которые
без обид, без дат,
без имён, без дон,
из истории.

На косе, как мёд,
на косе, как змей,
мутно золото.
У ворот-корней
скорлупа над ней
принадколота.

Скорлупа небес.
Но задушит лес –
зла отдушина.
Ты плети сильней,
ты крути верней,
дева-душечка.

За корнями сад,
в нём плоды висят –
мутно золото.
Да вот только волк,
шелковист и млад,
уж не ходит там.

Лишь горючих птиц,
что без слов и лиц,
толпокружие.
Так зачем туда,
где темно, когда
то ж бездружие?

Ветви тянут вверх.
Кабы волчий мех!
«Друг старинный мой,
Я скучаю, вот», –
и плетёт, плетёт
косу длинную.

4. Зарубежная литература Средних веков

Снег уже обряжен для сожженья
и глухарь свой приговор прочёл.
Ива вся гудит под напряженьем
молодых высоковольтных пчёл.
Ветки, словно шпиди, чередою
догорают в солнечной смоле.
Снег чернеет, корчась на земле,
чтобы снова стать живой водою.

5. Зарубежная литература XIX века. Романтизм

На беду...
На снегу...
На весну выпадает миг.
Ну давайте займёмся будничным, ну,
пересказом книг.
Вот билеты. Пентисилея (*совсем не я*).
Начинается там с... (*милее не слово – яд*)

...многолико воинство, и закипает бой
(*набирала в легкие воздуха, рокотал тефаль*).
Не обучена ничему, кроме ремесла войн
(*иль другого какого; вой, словно ветер, чай*),
и случаен выбор, герой обычный, всем свой
(*кто же скажет плохое о нём?*), хоть и груб, и не пара
(*но никто не мог быть сильнее, нежнее люб!*)...
Столкновенье копыт и горячей земной породы;
необычен мой быт, неизбежен побег в себя
(*впрочем, в тексте, кажется, этого нет*). Читаю оды
про любовь,
про смерть
(даже не про тебя).

6. Концепции современного естествознания. Общага

Ходит Солнце по коридору, взвихрены протуберанцы,
и солнечная радиация делает коридор священным.
Слепит больно, довольно перекинуться вкратце
привет!-ствием. Что уж там, ведь одна вселенная.
Ведь планетке не оторваться, но и не упасть на Солнце,
так и крутиться себе на заданном расстояньице.
А здание сохранит всё, что у нас на сердце.
Как звёздная пыль, всё после нас останется.

7. Современный русский язык. Порядок слов

Сантиметров десять школьной карты России или
кубометр марта (воздух весит не больше пыли,
жёлтой взвеси, воздух весит не меньше ветра,
успокоенного погодой на полгода).
А на карте как будто ближе. А полметра
по паркету казались дальше –
между нами – по секрету: а эта пропасть,
растянувшись, стала совсем пологой.

Отсутствие рядом,
присутствие где-то...
Весной пыльно-капельной лёгкие полны.
Я в синий одета, и волосы-волны –
так надо (о, странный инстинкт завиваться,
хотя километров как минимум сотни).
– О чём ты задумалась?
– Так. О далёком.

8. Поэтика. Дорога

Грета, Психея, душа... О золотистый ребенок,
где же он, наш крысолов? Дивный прохожий флейтист?
В острой соломе ресниц синь и пронзительно звонок
весь горизонт пред тобой был и желанен, и чист,
словно ручей. Поводырь, юный, упрямый и ловкий,
вёл в океан – водоём, чья глубина неизменна: бездна.
Но кто и зачем выложил кафелем стены?
Кто этот серый старик с серой стальной мышеловкой?

9. Русская литература XX века. Серебряный век

*Сто книг о медведях. Я читала только о медведях...
«Обыкновенное чудо»*

Не читаю сто книг ни о Риме, ни о Китае,
и, собственно, всё равно: чаю, кофию, Мандельштама.
А зелёная кровь лопочет в лиственной стае,
и уходит день, и троллейбус уходит прямо.

Как мы дни составляли из стёклышек: синий – к сини,
чайный – к розе, хрустальный – к радужке. Строго в теме.
И читали сто книг, собирая в них буквы имени,
замедляли шаг, пили чай, торопили время.

Всё, как грайки в гнездо, тянули в огонь узора.
Уберечь не смогла – зола, свято место пусто.
А на розовом небе опять проступают горы,
и как будто птицы щебечут тысячеусто.

10. Риторика. Пьеро

Кто намолол эту пропасть муки?
Жернов на жернов, на новую замесь
Нового года и новой тоски.

Пропасть муки – нет бы сахарной пудры!
Жернов на жернов, поднимем фужеры,
будем же мудры, дождёмся же утра.

Пропасть муки, пропасть белого снега...
Жернов на жернов, небесный помол.
Ринемся в год, как в сугробы с разбега!

Все ли вернёмся за праздничный стол?

11. История лингвистических учений. Структурализм

Дни сумерничают о мелких праздниках, как то:
отмена третьей пары иль новое пальто
на издали любимом человеке.
Я обретаюсь в двадцать первом веке,
заметив узкоглазое авто
сквозь жалюзи – прорезанные веки.
И мне двадцать один.
Но «Мемуары о системе гласных...»,
но «Мокрый луг», но миг внезапно ясной
предлетности – всё дальше в глубь глубин
стола уйдут. И лишь в запасе
вторая жизнь незавершённых книг...

Я лекции пишу, в Сеше-Балли
играя, как в шахматы.
Со мной в ответ играют в бадминтон. И, этот тон
приняв за допустимую погрешность,
я вычисляю: предо мной, конечно,
всё те же люди первой половины,
что жили в те свои двадцать один.

А с двадцать первого зиму отравят солью,
что на дорогах выедает дыры,
и я уйду в глубокое подполье
синхронного и внутреннего мира.

12. Литература русского зарубежья

Борису Поплавскому

А снег пошёл
потому, что я читала про «Снеж-ный-час»,
по городу по тому, пройденному лишь отчасти,
на цветные зонтики дам, на чёрный зонт господина,
залетая в мой капюшон.

Этот снег, он смешон от счастья.

Крошки с неба, все до единой,
рассыпаясь, как бисер по полу,
исчезают в чёрной реке.

С кем попало в душе,
с кем попадая в поле зрения
и с белой книжкой
в опушившемся рюкзаке,
я по чёрну
шагаю пешкой
с белым ангелом вдалеке.

13. Детская литература

Годы жизни лежат монеткой –
иностранной и неразменной.
Не взрослеть, когда все взрослеют,
так обещано Питер-Пену.
Шум волны – разговор в подъезде,
мыс – затоптанное крыльцо
для обещанных Питер-Пену.
Где он там со своей пыльцой?
А за то, что за годы слова
своего сдержать не сумели,
он возьмёт их в морские монстры,
выползающие на мели.
Чтоб высокое солнце злилось,
веселилось детским проказам
над глубинной и тёмной тварью
с голубым слезящимся глазом.

14. Выпускной

Вот и застыло бесповоротно время.
Ступеньки как строчки в строфе, но
можно ещё оглядеть сквозь ворота
двор, где деревья пылят.
Мне за билетом успеть до вокзала,
после в общагу, а прежде – в кофейню.
Осип из окон читального зала
смотрит на тополя.

* * *

*Кто слышит их <душ некрещеных> грустный,
умоляющий голос, тот должен сказать: «крещаю тебя,
Иван да Марья, во имя Отца и Сына и Святого духа».
После этих слов они возносятся на небо, как бы восприняв
крещение.*

А. Н. Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу»

...некрещёные дети жаждут креста и имени...

Д. К. Зеленин. «Очерки русской мифологии: умершие
неестественной смертью»

Шары качаются без всякой опоры
на ненадёжном железном тросе,
а поезд скорый сменяется скоро
следующим и людей уносит.
И каждый скорый перед собою
движет в туннеле массы воздушны,
и оттого шары в разное,
шары-плафоны, ветрам послушны.

А он всё вьётся над левым веком
и говорит: «Назови по имени.
Если бы я стал человеком,
мы были бы одного роду-племени,
если бы я стал человеком,
а не крутился в воздушном пламени,
если бы я стал человеком,
вырос бы в полный рост из семени.

Или, – говорит, – приведи сюда мою маму,
прекрасную маму,
как мы ходили с ней по улице, где дома
похожи на книги с мёртвыми текстами, где дома

похожи на фантик от Нового года, пустой и броский,
а потом спускались в метро на эту станцию, на эту полосу
гранита. Боялись головокружения, качающихся плафонов
и последней скорой, последней больницы...

Ты ведь тоже живёшь свою жизнь за двух нерождённых.
У неё тоже кто-нибудь должен родиться».

Я называю имя. Призрак вздрагивает: «Сказала
вслух». – Поезд трогается и увлекает его за собой
в сторону Охотного ряда. А я стою в центре зала
и наблюдаю шары, качающиеся вразнобой.

И наблюдаю людей, шагающих в унисон

к выходу. И людей, как я, ждущих кого-то рядом.

Мы живём за тех, кто не был зачат или не был спасён
врачами. Господи, дай рожденья нашим будущим чадам!

* * *

У нас ещё уйма времени,
от дома до дома – улица,
от тучки до тучки – небушко,
и всё-то оно не смеркается.
А как у нас дни дневаются,
а как здесь часы часуются
от сумерек и до темени,
на строчки не положить.

Рассыплется да рассеется
зерно наших мыслей спелое –
чему прорости в расщелинке,
чему быть щеглом примеченным.
А жизнь у нас будет вечная,
а ночь у нас будет белая,
и всё-то у нас успеется,
жить нам ещё да жить.

Содержание

Внутренние поля

«Вот оно плывёт-проплывает...»	5
«Кораблик с железными парусами...»	6
«А ещё я помню snyть на уровне глаз...»	7
«Старый камень стоит среди поля – невыбелен, невысок...»	8
«Вот скажет что-нибудь – и носишь, как будто фенечку...»	9
«Я успею ещё выспаться перед тем...»	10
«Быть с тобою. Ночь, как мировое древо...»	11
«Золотые шары наклоняются до земли, а иные – в пояс...»	12
«У короля было четыре сына: Юг, Запад, Восток и Север...»	13
«Чёрная курочка-тетёрка бежит по траве...»	14
«Через неделю закончится лето. За ним...»	15
Колыбельная для Саши	16
Колыбельная для Ани	17
Август	18
«Между трёх вокзалов, начал, шпилей, часов, вершин...»	19
«Не довести до конца ни единого дела...»	20
«За что он тебя целовал, сестра земля...»	21
«Нужно собрать очень высокий костёр, говорят...»	22
«Среди всех рыб, окуней и щук, – Рыба-Кит...»	23
«Мы греем одежду, которая ближе к телу...»	24
«Осторожно, дверь открывается, а за ней...»	25
«Я тебя отпускаю – рыскай в своих лесах...»	26
Внутренние поля	27
«Между нами песок молчанья...»	28

Насон-город

«...и неба батик голубой...»	31
«В ритме крови – это важно уметь...»	32
Натюрморты с лимоном	
1. Голландский	33
2. Восточный	34
3. Тотемский	34
«Битое стекло на берегах...»	35

«Я просыпалась и молчала...»	36
«Моя привычка думать о тебе...»	37
«Ты сказала: «Нет тоски! Есть жёлтенькие дискетки...»	38
Каникулы	39
«Мы сидели под ёлкой. Да, мы были в игре...»	40
Март	41
«А о нас говорили, что мы вконец оборзели!...»	42
Филологический факультет	
1. Античная литература	43
2. Фольклор. О моём любимом	43
3. Мифология.	44
4. Зарубежная литература Средних веков	45
5. Зарубежная литература XIX века. Романтизм	45
6. Концепции современного естествознания. Общага	46
7. Современный русский язык. Порядок слов	46
8. Поэтика. Дорога	47
9. Русская литература XX века. Серебряный век	47
10. Риторика. Пьеро	48
11. История лингвистических учений. Структурализм	48
12. Литература русского зарубежья	49
13. Детская литература	50
14. Выпускной	50
«Шары качаются без всякой опоры...»	51
«У нас ещё уйма времени...»	53

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Александр Сорока «Тутырь»

Валерий Халяпин «Три-вы-я»

Александр Максимов «Новый год-II»

Александр Переверзин «Документальное кино»

Михаил Свищёв «Последний экземпляр»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

Светлана Бунина «Удел цветка»

Ната Сучкова «Лирический герой»

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Игорь Меламед «Воздаяние»

Инга Кузнецова «Внутреннее зрение»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., д. 12/27

редактор:

А. Переверзин

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru; alkonost@yandex.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60x90 1/16

Тираж 500 экз.

Лета Югай родилась в 1984 году в Вологде. Окончила филфак ВГПУ и Литературный институт им. А. М. Горького. Аспирантка МПГУ (тема научной работы – севернорусские похоронные причитания). Стихи публиковались в московских, петербургских и вологодских журналах и альманахах.